

quarters, the ritual of reciting scriptures, the ritual of preaching the scriptures, the ritual of ranking in the religious order, index of scriptures, charts on ritual garments, the regular audience ritual, the ritual of the midday fasting, the ritual of the midday assembly and the ritual of conversion. The description of each topic is followed by a summary giving some data, or explanation to the text. The first two topics reflect the impact of the Buddhist concept, the karma on Daoist religion. In many cases, the good or bad deed described in the text is connected with the Daoist religion. If someone ruins the Daoist temples, or slanders the priests can count on a disadvantageous rebirth, while those who support the Daoist establishments receive good conditions in their next life. From the general rules, we learn that offence against the scriptures and their rules results in diminution of lifespan. In accordance with this principle, the exact shortening of lifetime in case of misbehaviour is given throughout the book. It is interesting to note that in one of the four Dunhuang versions of the text (P. 2337) – not mentioned in the book – there is a passage which speaks about adding days to lifespan as a reward (Kohn 1997).

Part 3 provides the summaries of the other three texts that Jin Ming was credited with. In the text *The Chronology of the Three Worthies of the Heaven of Highest Purity* Jin Ming is presented as a celestial being who confers his heavenly teaching on the world to save all living beings. The second text, *The Magic Register of the Supreme Three Primes for the Protection of the Residential Quarters*, is to prevent the Daoist adepts from cosmic disorder, catastrophes, abnormalities, etc. The third text, *The Original Register of the Shangqing Order Concerning the 365 Divine Forces of the Nine Heavens and the Three Primes of Jade Emperor Jinzhen*, wards off all evil forces, demons, animal spirits, etc. with the help of divine forces who take their positions in the departments of the owner of the register. In the Conclusion (pp. 205–217) Reiter concludes that the ruling house and the whole society benefited from the activity of Daoist healers, exorcists

and priests. In addition, he provides the summary of the *Suishu Yiwenzhi*. The book includes a glossary of Chinese characters, a bibliography, a list of sources in the Daoist Canon and an index.

It is unquestionable that the great value of the book lies in the description of several Daoist texts which definitely contribute to our understanding of medieval Daoism and the establishment of Daoist monastic institution. However, the secondary sources could have been studied more carefully and the historical and religious background of the texts in question could have been described in more detail.

References

- Kohn, Livia (1997): The First Handbook of Monastic Daoism: The Date and the Compilation of the *Fengdao kejie*. *East Asian History* 13/14, pp. 91–118.
 Kohn, Livia (2000): A Home for The Immortals: The Layout and Development of Medieval Daoist Monasteries. *AOH* 53, pp. 79–106.

Imre Hamar

В. И. РАССАДИН: *Присяянская группа бурятских говоров*. Улан-Удэ, БНЦ СО РАН, 1996, 217 с. JSBN 5-7623-1162-7

В. И. Рассадин – ученый-алтаист, занимающийся изучением и историческим сравнением современных монгольских и южно-сибирских тюркских языков.

Его тюркологические исследования по тофоларскому языку на сегодняшний день являются актуальными работами, где полностью описаны грамматический строй (фонетика и морфология), а также лексика тофоларского языка (Рассадин 1971; Рассадин 1978; Рассадин 1995). До Рассадина известны лишь работы М. А. Кастрена и Н. Ф. Катанова – ученых прошлого столетия (Castrén 1858; Катанов 1903; Катанов 1907).

Рассадиным написана работа по исторической фонетике бурятского языка, которая впервые обобщила звуковой строй бурятских говоров, показав в сравнительно-историческом плане его развитие, фонетические особенности, анализируя причины возникновения отличий бурятского языка от остальных современных монгольских языков (Рассадин 1982).

Недавно в Улан-Удэ в издательстве Бурятского научного центра вышла новая работа ученого «Присянская группа бурятских говоров», которая является как бы продолжением исследований бурятских говоров, она посвящена описанию фонетики, морфологии и лексики окинского (по названию реки Ока – Б. Х.), тункинского (по названию реки Тунка – Б. Х.) и закамского (по названию местности Закамна – Б. Х.) говоров, объединенных автором по географическому признаку и названных присаянской группой. Особенность книги в том, что Рассадин впервые систематически описал до настоящего времени не изученных окинского и закамского говоров. Более изученным является тункинский говор (Черемисов 1941; Абашеев 1958, 1965; Дондуков 1959; Матхеев 1972). Работа построена на материалах уже опубликованных работ и большей частью на диалектологических материалах, собранных самим автором в течение нескольких лет.

Книга состоит из введения (с. 5–28), трех глав: фонетики (с. 29–42), морфологии (с. 54–90), лексики (с. 91–158), заключения (с. 159–160), библиографии (с. 161–166) и словаря некоторых диалектных слов присаянской группы бурятских говоров (с. 172–215).

Во введении кратко рассматриваются вопросы классификации бурятских говоров. Долгое время говоры делились или по грамматическим, лексическим критериям (Алексеев 1949) или по географическому признаку (Санжеев 1953). Более уточненная классификация, на взгляд автора работы, дана Бураевым (Бураев 1988), которым выделено 4 группы: хоринская, южная, эхирит-булагатская, аларо-тункинская. Рассадин в работе рассматривает последнюю группу, пред-

лагая дать новое название «присянская группа» по географическому и грамматическим признакам. Образование группы связано с языком аларских бурят: от хонгодоров – предков аларцев отделились хонгодоры – предки тункинских бурят, из которых вышли предки окинских бурят, затем закамские роды переселились из Тунки в Закамну (до 60-х годов ошибочно считалось, что говор закамских бурят относится к селенгинскому наречию). Ученым дается краткая историческая справка о расселении, особенностях культуры, быта и хозяйства окинских, тункинских и закамских бурят.

Уникален состав носителей окинского говора. Так, на Оке проживает группа соётов, в прошлом тюркоязычных саянских оленеводов, которые обурятились, но сохранили языковые лексические особенности (в некоторых названиях животных: *aldī* ‘соболь’, *dēn* ‘белка’, *siin* ‘изюбрь’; бытовых предметов: *barwa* ‘переметная сума’, *turtlig* ‘подпруга вьючного седла’; разговорной речи: *bar* ‘есть’, *čok* ‘нет’). В доказательство того, что в бассейне Оки проживали тюрки, автор приводит ряд географических названий, имеющих тюркское происхождение. Назовем лишь некоторые:

ōrleg (название центра Окинского района) < тув. *ōrliḡ* ‘с табунами и стадами’ (< ст.тюрк. *ōgür* ‘стадо’ + *lḡ* Den.n. (Erdal 1991: 139–155) – Б. Х.)

Tustag (название реки) < тоф. *tus* ‘соль, искусственный солонец’ (< ст.тюрк. *tüz* ‘соль’ + *tA* – Den.v. – *G* Dev.n. (Gabain 1995: 46) – Б. Х.)

Balagta (название маленькой реки) < тув.-тоф. *balıq* ‘рыба’. (< ст.тюрк. *balıq* ‘рыба’ + *tA* мо. Den.n./A. – Б. Х.)

В I главе описывается звуковой строй каждого говора присаянской группы в отдельности. В отличие от вокализма лит.бур. языка: 1. для окинского говора характерно изменение звуков *ü* ~ *ö*: лит.бур. *münder* ~ окин. *möndör* ‘град’, лит.бур. *übgēn* ~ окин. *öbgön* ‘старик’ (если в 1 слоге стоит *ö*, оно произносится и в непервых слогах);

2. в окинском и тункинском говорах – случай палатализации велярной гласной *a* в позиции перед *i*, что характерно для эхиритских бурятских говоров и калмыцкого языка:
лит.бур. *amitan* ~ окин.; тунк. *äm'tan* 'животное',
лит.бур. *tabin* ~ окин.; тунк. *täbin* '50';
3. разгубления звуков *u* ~ *o* и *ü* ~ *e* во всех трех говорах:
лит.бур. *xutaga* ~ тунк. *xotigo*; закам. *xotigo* ~ *xotyogo* 'нож',
лит.бур. *udagan* ~ тунк.; закам. *odigon* 'шаманка',
лит.бур. *übdexe* ~ окин. *ebedxe* 'болеть',
лит.бур. *bühe* ~ окин. *behe* 'пояс';
4. в тункинском и окинском говорах опадение анлаутных безударных гласных:
лит.бур. *emēl* ~ окин.; тунк. *mēl* 'седло',
лит.бур. *enyēxe* ~ окин.; тунк. *nyēxe* 'смеяться',
лит.бур. *ahāgā* ~ окин.; тунк. *hāgā* 'зажег';
5. во всех трех говорах дифтонгизация на месте кратких гласных в названиях флоры и фауны:
лит.бур. *xulgana* ~ окин. *xulganai*; тунк.; закам. *xulganae* 'мышь',
лит.бур. *dolōgono* ~ окин. *dolōgonoi*; тунк.; закам. *dolōgonoe* 'боярышник'.
В консонантизме:
1. из аффрикат в окинском и тункинском говорах сохранилась среднемонгольская шипящая *dʒ* в позиции после сонорных согласных:
лит.бур. *xünžel* ~ окин.; тунк. *xön'džil* 'одеяло',
лит.бур. *bulžamur* ~ окин.; тунк. *bul'džamar* 'жаворонок';
2. во всех говорах согласный *g* перед *i* палатализовался в звонкую согласную *d*:
лит.бур. *angir* ~ окин.; тунк.; закам. *an'dir* 'турпан',
лит.бур. *dolgin* ~ окин.; тунк.; закам. *dol'din* 'волна';
3. во всех говорах употребляются геминанты *kk*; *t't*'; *čč*:
лит.бур. *mürgexe* ~ окин.; тунк.; закам. *mürrekke* 'молиться',

лит.бур. *yabažarxixa* ~ окин.; тунк.; закам. *yabattixa* 'уйти',
лит.бур. *nideže* ~ окин.; тунк.; закам. *nĩčče* 'летя'.

Во II главе рассматриваются особенности грамматического строя. Характерно то, что грамматические категории окинского и тункинского говоров схожи с говорами западной группы, закаменский же близок к восточным говорам.

В категориях имени существительного (падеж, множественное число):

- лит.бур. суффикс генитива *-ai*³ в окинском говоре дал *-i*:
лит.бур. *übeli* ~ окин. *-übeli* 'зимы';
- лит.бур. суффикс генитива *-gai*³ в окинском и тункинском говорах дал *-yi*:
лит.бур. *būgai* ~ окин.; тунк. *būyi* 'ружья';
- уникальность множественного числа всех трех говоров – суффикс *-hūd* на месте лит.бур. *-d*, *-nūd*:
лит.бур. *šubūd* ~ окин.; тунк.; закам. *šuwihūd* 'птицы',
лит.бур. *ayaganūd* ~ окин.; тунк.; закам. *ayagahūd* 'чашки'.

В числительных своеобразно:

- звучание '6' *žorgōn* в окин. и тунк. говорах, как и в аларском;
- суффиксы порядкового числительного *-t'xa* ~ *-t'xi* во всех трех говорах:
лит.бур. *negedexi* ~ окин.; тунк.; закам. *neget'xi* 'первый',
лит.бур. *xoyordoxi* ~ окин.; тунк.; закам. *xoyort'xa* 'второй';
- в окинском и отчасти закаменском говорах разделительное числительное имеет суффикс *-āhārā* на месте *-ād⁴*, *-gād⁴*:
лит.бур. *gurbād* ~ окин.; закам. *gurbāhārā* 'по три'.

В глаголе присаянской группы на месте суффикса деепричастия предела бур.лит. языка *-tar*³ известен *-sar*³:
лит.бур. *namar bolotor* ~ окин.; тунк.; закам. *namar bolosor* 'пока не наступит осень'.

В отличие от других говоров бурятского языка в окинском говоре известно личное местоимение двойственного числа *bitogōr*.

В лит.бур. языке оно звучит *bi ta хоуор* 'мы вдвоем'.

В III главе анализируется лексический состав бурятских говоров присаянской группы, который неоднороден и различен. Рассматриваются отдельно: лексика монгольского происхождения (с. 91–131), лексика заимствованная из тюркских (с. 132–139), из русского (с. 150–155) и других языков (с. 156–158):

1. во многих словах присаянского говора находим несколько иное значение, чем в литературном:
tangalai: лит.бур. 'нёбо'; окин.; тунк. 'переда у унтов (зимней обуви бурят)',
üxhe: лит.бур. 'дымник юрты'; тунк. 'шаман',
malgailxa: лит.бур. 'надевать шапку'; окин.; тунк. 'идти хлопьями (о снеге)',
zuram: лит.бур. 'черта, линия'; закам. 'лоскутки, привязанные к священным деревьям';
2. имеются слова общемонгольского происхождения с переносным значением:
alba: лит.бур. 'служба, повинность'; закам. *a. yerexeb* 'обязательно (приду)',
tarxi: лит.бур. 'голова, головной мозг' ~ закам. 'память';
3. в тюркской заимствованной лексике есть слова, бытующие только в бурятском языке, которых нет в других монгольских языках:
лит.бур. *boynog* 'обвислая кожа под шеей крупного рогатого скота' < тюрк.: якут. 'id.'; кирг. *тоунок* 'шея верблюда, дикого козла'; каз. *тоунак* 'шея верблюда'; общетюрк. *тоуун* 'шея',
лит.бур. *baran* 'все, весь, всё' < тюрк.: ст.тюрк. *bar* 'есть, имеется, наличный, весь',
лит.бур. *tulam* < ст.тюрк.: *tulum* 'мешок из цельной кожи животного',
лит.бур. *zoto* 'голень передних ног диких крупных копытных животных' < тюрк.: ст.тюрк. *yota* ~ *yoda*; хак.; тув.; тоф. *čoda*; алт. *d'odo*; якут. *soto* 'голень ноги (человека и животных)'; кирг. *јото јилик* 'берцовая кость у крупных домашних и диких животных';

4. в заимствованную лексику других языков входят эвенкизмы:

окин. *ongolo*; закам. *ongoli* 'кедровка' < эвенк. *ongolo* 'кедровка' < *ongo* 'нос, клюв'.

В заключении автор, отвергая халхаское происхождение хонгодоров, или присаянских бурят, делает вывод, что их язык представляет своеобразный бурятский диалект.

Работа В. И. Рассадина имеет большую научную ценность не только в бурятоведении, но и в алтаистике. Во многом продвинуто вперед решение спорного вопроса о классификации бурятских говоров, открылись новые тюркско-монгольские этимологии.

Литература

- Абашеев (1958): Абашеев, Д. А.: Краткие замечания по говору тункинских бурят. *Сборник трудов по филологии*. Вып. 3, с. 269–276. Улан-Удэ.
- Алексеев (1949): Алексеев, Д. А.: Диалекты бурят-монгольского языка. *Ученые записки ЛГУ*. 98, с. 161–202.
- Бураев (1988): Бураев, И. Д.: Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация. В кн.: *Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья*, с. 3–26. Улан-Удэ.
- Катанов (1903): Катанов, Н. Ф.: *Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня*. Казань.
- Катанов (1907): Катанов, Н. Ф.: *Образцы народной литературы тюркских племен*. Ч. IX. Наречия урянхайцев (соётов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб.
- Матхеев (1972): Матхеев, Б. В.: Некоторые особенности модификации фонем в говоре тункинских бурят. *Вопросы бурятской филологии*. Вып. 1, с. 37–48. Улан-Удэ.
- Рассадин (1971): Рассадин, В. И.: *Фонетика и лексика тофоларского языка*. Улан-Удэ.

- Рассадин (1978): Рассадин, В. И.: *Морфология тофоларского языка в сравнительном освещении*. Москва.
- Рассадин (1995): Рассадин, В. И.: *Тофоларско-русский, русско-тофоларский словарь*. Иркутск.
- Рассадин (1982): Рассадин, В. И.: *Очерки по исторической фонетике бурятского языка*. Москва.
- Санжеев (1953): Санжеев, Г. Д.: *Сравнительная грамматика монгольских языков*. Т. 1, с. 38–55. Москва.
- ст.тюрк.: Clauson, G.: *An etymological dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.
- Черемисов (1941): Черемисов, К. М.: *Заметки по бурят-монгольскому языку. Несколько замечаний о тункинском диалекте. Записки Бурят-Монгольского ГИЯЛИ*. 3–4, с. 121–140. Улан-Удэ.
- Castrén (1858): Castrén, M. A.: *Versuch einer jenisej-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*. Sankt Petersburg.
- Erdal (1991): Erdal, M.: *Old Turkic Word Formation. A Functional Approach to the Lexicon*. Vols I–II. Wiesbaden.
- Gabain (1995): Gabain, A.: *Eski Türkçenin grameri*. Ankara.

Баярма Хабтагаева

Reference Works to Buddhist and Tibetan Studies

1. YASUHIRO SUEKI (1998): *Bibliographical Sources for Buddhist Studies (from the Viewpoint of Buddhist Philology)*. Tokyo, The International Institute for Buddhist Studies. (Bibliothographia Indica et Buddhica III) 195 pages.

This handy volume contains a list of works from all over the world, which include “a catalogue or list, a bibliography, bibliographical

information, introduction, or survey on Buddhist texts” (Preface, p. IX). The material is arranged under twelve headings, labelled *A–L*. *A* lists works which contain data on Buddhist texts “in general”, while chapters *B–J* are devoted to catalogues, bibliographies of texts found in all languages of the Buddhist tradition, from Sanskrit to Japanese. Chapter *K* is entitled *General Bibliography of Buddhist Studies* and includes sixteen sections listing reference works on different areas, ranging from bibliographies to Nichiren Buddhist Studies. Two separate sections are devoted to sources on electric databases and dictionaries. Finally, chapter *L* – entitled *Histories and Trends in Buddhist Studies* – lists general surveys of specific areas, published in Japan and other countries. The book is rounded off with two indices.

2. Members of Staff, Indo-Tibetan Section of the Indologisches Seminar, Universität Bonn (1998): *The Brief Catalogues to the Narthang and Lhasa Kanjurs* – A Synoptic Edition of the *bKa' 'gyur rin po che'i mtshan tho* and the *rGyal ba'i bKa' 'gyur rin po che'i chos tshan so so'i mtshan byang dkar chag bsdu pa*. Vienna, Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studien, Universität Wien (Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde, Heft 40) 206 pages.

The synoptic edition of the registers to two closely related xylographs of the sacred Word of the Buddha translated into Tibetan (*bKa' 'gyur*) results in a comprehensive catalogue of the 791 texts contained therein. Concordances with the Čone, Lhasa, Derge and Beijing editions are also given. Finally, compilers headed by Helmut Eimer supply indices of the Tibetan and Sanskrit titles, of Tibetan names (persons and localities), and of colophons without translators' names.

Tamás Agócs